

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ДЕТСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

О. В. КОВАЛЬЧУК

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: kovalchuk@bsu.edu.ru

Данная статья посвящена рассмотрению социокультурного феномена детства в культурно-историческом контексте. Образ ребенка и тип отношения к нему были неодинаковы в разных обществах, причем зависело это как от уровня социально-экономического развития, так и от социокультурных особенностей. На сегодняшний день детство является важнейшей из субкультур повседневности в глобальном мире. Но исследователям только предстоит изучить всю неоднозначность мира детства в повседневном мире современного человека.

Ключевые слова: феномен детства, субкультура детства, образ ребенка, социокультурный феномен.

В культурной антропологии человек рассматривается сквозь призму взаимодействия со средой, другими людьми и социальными группами, т.е. диалогически. Содержание совместной жизни и деятельности людей, в том числе и его межкультурные коммуникации, входит в понимание повседневности. Нельзя отрицать, что важной частью повседневности является отношение к детям. На сегодняшний день можно констатировать, что *детство* является одной из важнейших *субкультур* современности, причем в мировом масштабе. Мир детства сложен и содержит в себе другие миры. Это мир общения ребенка с взрослыми людьми, мир социальных взаимоотношений, предметный мир, мир познания. Как и любой человек, ребенок архетипически и исторически связан с нашими далекими предками, с их традициями, культурой, архаическим мышлением.

Детство – всем хорошо известное, но, как это ни странно звучит, малопонятное явление. Термин «детство» используется многопланово и многозначно. Специальной дефиниции детства нет ни в философских, ни в педагогических, ни в социологических словарях. В психологическом словаре¹ есть определение детства как термина, обозначающего 1) начальные периоды онтогенеза (от рождения до подросткового возраста); 2) социокультурный феномен, имеющий свою историю развития, конкретно-исторический характер. Детство в онтогенезе – это, как правило, устойчивая последовательность актов взросления растущего человека, его состояние «до взрослости». В филогенезе – это совокупность детей разных возрастов, составляющих «довзрослый» контингент общества на различных этапах его развития.

По сути, исследования истории и культурологии детства были начаты, вышедшей в 1960 году в Париже книгой Филиппа Ариеса (1914-1984) «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке». Новаторство концепции автора состояло в том, что понятие «детство» понималось не как данная застывшая на все времена реальность, а как социокультурный конструкт, который в разных культурах и эпохах наполняется различным содержанием, различной ценностью и материальным «сопровождением». Ф. Ариеса интересовало, как в ходе истории в сознании художников, писателей и ученых складывалось понятие Детства и чем оно отличалось в различные исторические эпохи. Он впервые конкретно показал, что Детство – не просто естественная универсальная фаза человеческого развития, а понятие, имеющее сложное, неодинаковое в разные эпохи социальное и культурное содержание. Книга Ф. Ариеса освещает три главных темы: эволюцию понятия и образа детства – периодизацию жизненного пути, историю осознания детства как особого социокультурного явления, эволюцию детской одежды, игр и развлечений, целей и методов нравственного воспитания; историю школьной жизни – возраста школьников,

¹ Психологический словарь / Авдеева Н.Н. и др. – М.: Педагогика-пресс, 1997. – 438 с.

смены типов учебных заведений, изменения целей и методов дисциплинирования школьников и т.д.; место и функции детей в «старой» и «современной» семье.

Период детства устанавливается от новорожденности до полной социальной зрелости; это период становления ребенка полноценным членом человеческого общества. Однако продолжительность детства в разные исторические отрезки различна: в первобытном обществе не равна продолжительности детства в эпоху Средневековья, сегодня – совсем иная, чем в Новое время. Этапы «возраста» детства человека, продолжительность детства находятся в прямой зависимости от материальной и духовной культуры той или иной культурно-исторической эпохи.

Интерес к феномену детства, даже само понятие детства практически отсутствовали в текстах до XVIII века. Однако, это не означает, что детей «не было» или детьми пренебрегали и не заботились о них. Человечество всегда придавало большое значение продолжению рода. Многие религии считают бесплодие самой страшной божественной карой. Деторождение почти всюду оформляется особыми священными ритуалами. Вот как, например, М. Мид (американская исследовательница, детский этнограф) описывает церемонию рождения ребенка на островах Самоа (Папуа – Новая Гвинея): «Дням рождения не придают значения на Самоа. Но появление на свет ребенка, как таковое, в семье высокого ранга предполагает большой праздник. В течение нескольких месяцев до родов родственники отца приносят в дар будущей матери пищу, в то же время родственники с материнской стороны хлопчут над приданным для новорожденного. Сами роды отнюдь не интимное дело. Приличия требуют, чтобы роженица не корчилась от боли, не кричала, не возражала против присутствия 20–30 людей в доме, которые, если надо, будут сидеть около нее сутками, смеяться, шутить, развлекаться. Если младенец – девочка, то пуповина зарывается под шелковицу, чтобы девочка была хорошей хозяйкой. Если младенец – мальчик, то пуповина бросается в море, чтобы он стал искусным рыбаком или земледельцем. Затем гости расходятся по домам, мать поднимается с постели и приступает к своим обычным делам, а ребенок вообще перестает вызывать большой интерес у кого бы то ни было. День и месяц его рождения забывается»².

Для первобытного общества (да и для последующих – античного и средневекового) характерна была двойкость в отношении к детям. Младенец – одновременно персонафикация невинности и воплощение природного зла. А главное – он как бы недочеловек, существо, лишенное разума. Например, в Уганде женщины и маленькие дети не имеют статуса лиц, воспринимаясь как вещи или как нечто среднее между человеком и вещью. В Древней Японии новорожденных признавали полноценными людьми после совершения специальных обрядов. Убийство младенца не считалось тяжким преступлением, считалось «отправить назад», «возвратить» в мир духов. А вот на Филиппинах уже пятимесячный плод считался, в известном смысле, человеком и в случае выкидыша его хоронили с соблюдением всех обрядов. Вместе с тем иметь детей считалось почетным, и все члены общины обычно ласковы и внимательны к детям.

Этнографы, которые исследовали сообщества, находящиеся в стадии раннепервобытной общины (многие племена аборигенов Австралии, бушменов Африки и др., находящиеся на уровне развития, соответствующем в своих главных чертах эпохе мезолита), обращали внимание на особенности практики социализации детей. Детей кормили грудью до 3–4-х лет. В период кормления ребенок был на попечении матери, его учили ходить и говорить «попутно», не занимаясь этим специально. Цель социализации состояла в привлечении детей к доступным формам труда. Постепенно данный процесс усложнялся: оно становится разным по полу, возрасту, содержанию, формирующим навыки обращения с орудиями труда, луком и стрелами, копьем. Уже тогда взрослые воспитывали у детей такие нравственные качества, как послушание, смелость, следование традициям, взаимная выручка, гостеприимство. Особое значение в воспитании имели игры, имитирующие охоту, войну, труд, семейные отношения, обряды. Игры подчинялись половозрастному делению. Наставления и рекомендации передавались младшему поколению посредством фольклора: преданий, сказок, пословиц, песен, дидактических рассказов и мифов. Окончание детства совпадало с наступлением физической зрелости. К 12–14 годам

² Мид, М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – С.320.

мальчики и девочки были подготовлены к самостоятельной жизни. Переход в категорию взрослых сопровождался обрядами посвящения – инициациями. Иницируемые изолировались в специальных лагерях, где наставники знакомили их с нормами морали, правами и обязанностями в семье и общине, с сакральными ритуалами и мифами. Обучение сопровождалось испытаниями, которые завершались общим праздником. Обряды инициаций длились в разных обществах от нескольких дней до многих месяцев.

Инициации, в которых переход из одного возрастного статуса сопровождался очень часто *изменением имени*, что отражалось на трансформации сознания индивида, на возрастании его чувства идентичности, служащего онтологической основой пробуждения самосознания. Многие этнографы и культурантропологи отмечают в подобных случаях не только наличие специфической идентичности человека (коллективной и индивидуальной), но и ее полное изменение, связанное, в том числе, и с *символикой нового имени*. «В доантичную эпоху, – пишет М.К. Петров, – и особенно в доземледельческую, имя близко по структуре и составу к мифу: связывает множество самым случайным способом собранных «подвигов» – программ поведения во множестве конкретных ситуаций. Отношения между именем и его носителем, как они фиксируются для первобытных обществ, также обнаруживают примечательные закономерности. Имена различены либо по возрастному (детские, взрослые, стариковские), либо по технологическому (обычные, охотничьи, военные) признаку. Получить взрослое или охотничье имя, делающее человека равноправным членом племени, можно только в определенном возрасте и после сложного обряда посвящения. Имя здесь выступает устойчивым и практически вечным социальным институтом, а человек лишь временным и смертным исполнителем жизни»³. Инициации сопровождалась также обучением «новому языку» и *эзотерическим мифам*, известным только посвященным. М.К. Петрова писал о *ситуативно-именных кодах архаики* как способах накопления и передачи (пусть и медленной!) инноваций последующим поколениям, об особых архаических «селекционирующих вставках» нового опыта: «Имя выступает вневременной непрерывностью, концентратором и контейнером информации об обязанностях и поступках всех предшествующих носителей имени в различном комплексе ситуаций, т.е. чем-то очень близким к современному пониманию текста – к инструкции, например, или книге. В момент посвящения текст этот отчужден в память старейшин и уже на этом этапе неизбежно испытывает ряд трансформаций, обеспечивающих более или менее конъюнктурную переоценку имени от нужд момента и от наличных обстоятельств жизни племени. Такого же типа трансформирующий сдвиг неизбежен и в момент передачи информации новому носителю, который воспринимает информацию через призму личного опыта, возникшую в процессе его жизни... История бессмертного имени слагается, таким образом, из периодов исполнения имени смертными людьми, причем эти периоды стыкуются старейшинами, социальной памятью, в целостность с помощью операции выбора одного из множества претендентов... Схема накопления нового выглядит как расчлененная по субъектам и времени последовательность реализаций связанных в имени программ. Причем в каждой такой реализации носитель что-то добавляет в текст имени, что-то подчеркивает, а что-то оставляет в тени. В момент передачи имени новому носителю возникает переоценка и трансформация текста имени, т.е. сдвиг значений и акцентов, который всегда направлен к более полному учету конкретной обстановки. Последовательность таких сдвигов и образует процесс обновления ритуала»⁴. Половозрастное кодирование информации в именах инициаций прямо связано со способами идентификации (коллективной и индивидуальной) человека в дискурсе архаического мифа.

На основе изучения этнографических материалов известный советский педагог Д.Б. Эльконин показал, что на самых ранних ступенях развития человеческого общества, когда основным способом добывания пищи было собирательство с применением примитивных орудий для сбивания плодов и выкапывания съедобных корней, ребенок очень

³ Петров, М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д: Изд. РГУ, 1992. – С.11-12.

⁴ Петров, М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д: Изд. РГУ, 1992. – С.18.

рано приобщался к труду взрослых, практически усваивая способы добывания пищи и употребления примитивных орудий. При таких условиях не было ни необходимости, ни времени для стадии подготовки детей к будущей трудовой деятельности⁵.

Постепенно складываются и развиваются традиции патриархально-семейного включения детей в общество. С зарождением древних цивилизаций Востока (Месопотамия, Египет, Индия, Китай) в V тысячелетии до н.э. возникают новые способы социализации и аккультурации подрастающего поколения: складывается воспитание детей в многогранной семье как особой сфере социокультурной деятельности. Обычно до 5-7 лет дети усваивали культурные нормы и традиции в рамках своей семьи, а позже процессом социализации руководило государство. Ребенок при этом рассматривался как *незавершенный взрослый*, особенности детского возраста игнорировались, физические наказания считались естественными и необходимыми.

Далее феноменология детства трансформируется в контексте античной и христианской цивилизаций. По воспоминаниям античных и средневековых авторов детство было не из легких в те далекие времена: отец медицины Гиппократ и родоначальник гинекологии Сорон Эфесский деловито обсуждают вопрос о том, какие именно новорожденные заслуживают того, чтобы их выращивали. Аристотель считает вполне справедливым, что ни одного калеку-ребенка кормить не следует. Цицерон писал, что смерть ребенка нужно переносить «со спокойной душой», а Сенека считал разумным топить слабых и уродливых младенцев (вспомним Спарту). Маленькие дети не вызывают у античных авторов чувства умиления, их большей частью просто не замечают. Ребенок рассматривается как низшее существо, он в буквальном смысле слова принадлежит родителям как прочая собственность.

В Средние века, как только ребенок начинал обходиться без постоянной заботы своей матери, няньки или кормилицы, он входил в «корпорацию» взрослых. Слово «ребенок» не имело в европейских языках смысла, который придает ему сейчас в различных культурах. Так, например, в Средневековой Германии слово «ребенок» было синонимом понятия «дурак». Детство считалось периодом быстро проходящим и малоценным. Стоит отметить, что продолжительность жизни в Средние века была короткой. Еще одной характерной особенностью Средневековья было то, что дискриминировали детей и в похоронном обряде. Во Франции юных отпрысков знати хоронили на кладбище (как бедных), лишь в конце XVII века им найдут место в фамильных склепах рядом с родителями. Многие теологи считали ненужным служить заупокойные мессы по детям, умершим до семейного возраста. Всем известно, что до сегодняшнего дня, в православных церквях не отпевают младенцев, умерших без крещения или при родах. В Белоруссии некрещеного младенца называют «маньяком», которого следует опасаться (а как же быть с умершими при родах?).

Безразличие отношение к детству в прошлые эпохи, по мнению Ф.Ариеса, было прямым следствием демографической ситуации того времени, отличавшейся высокой рождаемостью и большой детской смертностью. Знатные люди пышно праздновали рождение детей, но довольно спокойно переживали их потерю. Это не значит, что детей не любили. Средневековые хроники, жития святых и документы XVI-XVII веков донесли до нас множество трогательных историй о самоотверженных и ласковых матерях и внимательных воспитателях.

Визуальным примером нового отношения к детству служит появление в XVI веке портретов умерших детей. Их смерть переживалась как действительно невозполнимая утрата, а не как вполне естественное событие по средневековому принципу: Бог дал, Бог взял. В XVII веке впервые на полотнах художников начинают появляться первые изображения-портреты реальных детей. Как правило, это были портреты детей влиятельных лиц и царственных особ в детском возрасте. Таким образом, по мнению Ф. Ариеса, открытие детства началось в XIII веке, его развитие можно проследить в истории живописи XIV-XVI веков, но очевидность этого открытия наиболее полно проявляется в конце XVI и в течение всего XVII столетия.

⁵ Эльконин, Д.Б. Избранные психологические труды – М.: Педагогика, 1989. – 554с.

Важным свидетельством изменения отношения к детству служит символика одежды и игрушек. В Средние века, как только ребенок вырастал из пеленок, его сразу же одевали в костюм, ничем не отличающийся от одежды взрослого соответствующего социального положения. Только в XVI-XVII веках появляется специальная детская одежда, отличающая ребенка от взрослого. Интересно, что для мальчиков и девочек в возрасте 2-4 лет одежда была одинаковой и состояла из детского платья. Иначе говоря, для того, чтобы отличить мальчика от мужчины, его одевали в костюм женщины, и этот костюм просуществовал до начала нашего столетия, несмотря на изменение общества и удлинение периода детства. Отметим, что в крестьянских семьях до революции дети и взрослые одевались одинаково. Кстати, эта особенность сохраняется там, где нет больших различий между работой взрослых и игрой ребенка.

В области искусства представления о периодах человеческой жизни нашли отражение в росписи колонн Дворца Дожей в Венеции, во многих гравюрах XVI-XIX веков, в живописи и скульптуре. Так, например, в росписи Дворца Дожей выбор игрушек символизирует *возраст детей*, играющих с деревянным коньком, куклой, ветряной мельницей и птичкой; *школьный возраст* – мальчики учатся читать, держат книги в руках, а девочки учатся вязать; *возраст любви и спорта* – юноши и девушки вместе гуляют на празднике; *возраст войны и рыцарства* – человек, стреляющий из ружья; *зрелость, вхождение во взрослую жизнь* – изображается в виде судей и ученых. Дифференциация возрастов человеческой жизни и в том числе – детства, по мнению Ф. Ариеса, формируется под влиянием социальных институтов, то есть новых форм общественной жизни, порождаемых развитием общества.

Заметим, что у славян издревле существовала дифференциация детского возраста. С момента появления на свет и до 3-4-летнего возраста ребенок находился на попечении матери, которой помогали и другие члены семьи. Ребенка, вскармливаемого грудью, называли *дитя*. Поощрялись игры, развивавшие у детей силу, ловкость, смекалку. К *молodyм* относили детей 3-6 лет. В Древней Руси младенчество называли безгреховным и неразумным периодом, который длился до 6-7 лет. Именно с этого возраста начинали учить, приводить к исповеди, наказывать. С 7 до 12 лет ребенка называли *чадо*, а подростка 12-15 лет – *отрок*. Правда, ребенку в древнерусской литературе места не находилось. Проблема возрастных особенностей детей и методов их воспитания сводилась лишь к кратким высказываниям. Отсутствовали и специальные педагогические наставления по воспитанию детей. Принятие христианства приводит к тому, что важным средством воздействия на формирование личности служит церковная исповедь, к которой, по некоторым данным, приводили мальчиков с 10, а девочек с 8 лет. Значение исповеди было в том, что она приучала к анализу своих поступков и формировала вовсе недетское осознание своей изначальной греховности. Ведь уж начиная с семилетнего возраста, считает Православная церковь, у человека накопились грехи перед Богом. Отсюда и возраст причастия.

Взаимоотношения детей и родителей в русской семье XVI-XVII веков регламентировались «Домостроем», некоторые главы которого (15, 16, 17) непосредственно посвящены воспитанию детей. В «Домострое» содержатся призывы «страхом спасти» детей от неразумных поступков. В нем перечислены запреты, которые обязаны соблюдать дети: не красть, не лгать, не обижать чужого, не помнить зла и т.д. «Домострой» требует повиноваться наставникам и старшим, любить детей и заботиться о них, воспитывать мужество, трудолюбие, бережливость и др. Содержание этого документа пронизано особой ответственностью родителей за правильное религиозно-нравственное воспитание своих детей, причем с учетом их возраста и особенностей. В качестве методов педагогического воздействия рекомендуется наказание («воспитати во всяком наказании»), включая и физическое («ино плетью постегати по вине смотря»).

Развитие общества привело к дальнейшему изменению отношения к детям. Возникла *новая концепция детства*. Для педагогов XVII века любовь к детям выражалась уже не в баловании и увеселении их, а в психологическом интересе к воспитанию и обучению. Для того чтобы исправить поведение ребенка, прежде всего, необходимо понять его, и научные тексты конца XVI и XVII веков полны комментариев относительно особенностей детского развития. Укажем здесь сочинение известного западноевропейского гуманиста Эразма Роттердамского «Гражданство обычаев детских». Текст этой книги

разделен на вопросы и ответы: 4-68 посвящены значению мимики лица, жестикуляции, осанке ребенка; 69-78 – относились ко всему, связанному с одеждой; 79-81 – рекомендуют детям, как вести себя в церкви; 82-125 – о поведении за столом и во время еды; 126-142 – учат, как здороваться и вести себя при встрече с родителями, учителем, сверстниками, незнакомым человеком и т.д.; 143-145 – о правилах поведения в «училище» и при возвращении домой; 146-158 – посвящены играм; 159-164 – о поведении и гигиене ребенка. Книга и по содержанию, и по форме изложения была рассчитана на детей. Следует отметить также, что в начале книги говорится о необходимости в первую очередь религиозно-нравственного воспитания. Таким образом, в ней впервые было определено содержание воспитания детей: овладение нормами христианской морали; обучение свободным мудростям и овладение нормами культурного поведения. Причем «Гражданство обычаев детских» – не только первый западноевропейский памятник педагогического характера, но и первый в русской культуре памятник, посвященный светскому воспитанию детей. Важно отметить его значение для процесса социализации детей того времени.

В конце XVII – начале XVIII веков нравы постепенно стали смягчаться. Под влиянием нескольких поколений гуманистической пропаганды (Гварино, Э. Роттердамский, Т. Элиот, Я. Коменский и др.) телесные наказания становятся реже, некоторые вовсе от них отказываются. Появляется понятие *о человеческом достоинстве ребенка*, а позже о его праве на более или менее самостоятельный выбор жизненного пути. Внимание родителей начинают привлекать все стороны детской жизни. Но функцию организованной подготовки детей к взрослой жизни принимает на себя не семья, а специальное общественное учреждение – школа, призванная воспитывать квалифицированных работников и примерных граждан. Именно школа, по мнению Ф. Ариеса, вывела детство за пределы первых 2-4 лет материнского, родительского воспитания в семье. Школа, благодаря своей регулярной, упорядоченной структуре способствовала дальнейшей дифференциации того периода жизни, который обозначается общим словом «детство». Универсальной мерой, задающей новую разметку детства, стал «класс». Ребенок вступает в новый возраст каждый год, как только меняет класс. В прошлом жизнь ребенка и детство не подразделялись на такие тонкие слои. Класс стал определяющим фактором в процессе дифференциации возрастов внутри самого детства и отрочества.

Таким образом, согласно концепции Ф. Ариеса, понятие детства и отрочества связано со школой и классной организацией школы как теми специальными структурами, которые были созданы обществом для того, чтобы дать детям необходимую подготовку для социальной жизни и профессиональной деятельности. Следующий возрастной уровень связывается с новой формой социальной жизни – *институтом военной службы* и обязательной воинской повинности. Это подростковый, или юношеский возраст. Понятие подростка привело к дальнейшей перестройке обучения. Педагоги начали придавать большое значение форме одежды и дисциплине, воспитанию стойкости и мужественности, которыми ранее пренебрегали. Позже, в XX веке, Первая мировая война породила феномен «молодежного сознания», представленного в литературе «потерянного поколения». «Так, на смену эпохе, не знавшей юности, – пишет Ф. Ариес, – пришла эпоха, в которой юность стала наиболее ценным возрастом... Все хотят вступить в него пораньше и задержаться в нем подольше»⁶. Каждый период истории соответствует определенному привилегированному возрасту и определенному подразделению человеческой жизни: «Молодость – это привилегированный возраст XVII века, детство – XIX, юность – XX»⁷. Итак, культурно-исторический образ ребенка и тип отношения к нему неодинаковы в разных обществах, причем это зависит как от уровня социально-экономического развития, так и от социокультурных особенностей.

Какой же возраст является привилегированным в XXI веке? С одной стороны, детям и детству сегодня уделяется огромное внимание, повсеместно подчеркивается необходимость индивидуального подхода в развитии детей, на детей работает целая индустрия. Одним детям дано слишком долгое детство – многие люди до зрелого возраста жи-

⁶ Ариес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке – Екатеринбург: Уральский университет, 1999. – С. 236.

⁷ Там же. – С. 29.

вуг за счет своих родителей. Появилась даже характерная поговорка: «Плохи те родители, которые не могут кормить детей до пенсии» (имеется ввиду пенсия детей). С другой стороны, социальные проблемы и противоречия, имеющие глобальный характер, в первую очередь отражаются именно на детях и, к сожалению, не все дети могут похвастаться «детством», многим из них приходится вступать во взрослую жизнь, полную проблем и невзгод, гораздо раньше, нежели им хотелось. Невероятно возросло количество детских домов с их специфическими концепциями детства. Исследователям только предстоит изучить всю неоднозначность мира детства в повседневном мире современного человека.

Список литературы

1. Ариес, Ф. Возрасты жизни // Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. – Екатеринбург: Уральский университет, 1999. – с. 26-43.
2. Ариес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке – Екатеринбург: Уральский университет, 1999. – 415 с.
3. Домострой: Сб. / Сост. В. Колесов. – М.: Художественная литература, 1991. – 319 с.
4. Кошелева, О.Е. «Гражданство обычаев детских»: история изучения памятника и его роль в рус. культуре XVII в. // Актуальные вопросы историографии и источниковедения истории школы и педагогики. – М.: Советская педагогика, 1986 – с. 119-139.
5. Мид, М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – 428 с.
6. Обухова, Л.Ф. Детская психология: история, факты, проблемы. – М.: Тривола, 1995. – 352 с.
7. Петров, М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д: Изд. РГУ, 1992. – 272 с.
8. Психологический словарь / Авдеева Н.Н. и др. – М.: Педагогика-пресс, 1997. – 438 с.
9. Эльконин, Д.Б. Избранные психологические труды – М.: Педагогика, 1989. – 554с.

SOCIOCULTURAL PHENOMENON OF CHILDHOOD IN HISTORICAL RETROSPECTIVE

O. V. KOVALCHUK

Belgorod State University

e-mail: kovalchuk@bsu.edu.ru

This article is about studying the problem of the sociocultural childhood phenomenon within the cultural and historical aspect. The child image and type of respect to him is changeable in the history of cultures and had been different in other communities and depended on the level of socio-economic development and sociocultural peculiarities. The problem of childhood is actual for many subcultures of nowadays. The specific of childhood in the context of everyday live of a modern humanity is going to be studied by science.

Key words: sociocultural phenomenon, childhood subculture, childhood phenomenon, the child image, the problem of childhood.